

ПОНЯТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ЛАНДШАФТА

Ю.Г. Тютюнник

Институт эволюционной экологии Национальной академии наук Украины, Киев

E-mail: carmel@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2015; принята к печати 04.09.2015

Рассмотрены дискуссионные вопросы теории промышленного ландшафта. Обоснован взгляд на промышленный ландшафт как самостоятельный ландшафтный феномен, который имеет свой оригинальный генезис, свои закономерности классификации и свои нетривиальные интерпретации в гуманитарной географии и эстетике ландшафта.

Ключевые слова: промышленный ландшафт, промышленный пейзаж, антропогенное ландшафтоведение, техногенный вариант ландшафтной сферы, индустриальное наследие.

THE CONCEPT OF INDUSTRIAL LANDSCAPE

Yu.G. Tyutyunnik

Institute of Evolutionary Ecology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

E-mail: carmel@mail.ru

Controversial issues of the theory of industrial landscape are considered. The opinion is substantiated that the industrial landscape is an independent landscape phenomenon having its own original genesis, patterns of classification and non-trivial interpretations in human geography and landscape aesthetics.

Keywords: industrial landscape, industrial landscape painting, anthropogenic landscape science, anthropogenic landscape, industrial heritage.

Введение

В экологической и географической литературе уже не первое десятилетие спорадически появляется понятие «промышленный ландшафт». Параллельно ему используются многочисленные смысловые дериваты-заменители типа «система» и «комплекс» (ландшафтно-техногенная система, природно-технический комплекс и т. п.). Однако понятие о ландшафте в контексте «промышленный» своих позиций не сдает, так как в феноменологическом отношении оно выгоднее, чем понятие о системе или комплексе.

Понятие промышленного ландшафта употребляется чаще всего в аспекте оптимизации индустриального природопользования, охраны окружающей среды в зонах техногенного воздействия, экологии городских территорий, а последнее время и в сфере сбережения индустриального наследия. Иногда оно проникает в промышленную архитектуру и градостроительство и используется там.

Нельзя сказать, что к понятию промышленного ландшафта обращаются очень часто. Это происходит от случая к случаю, но на протяжении уже достаточно долгого времени. И вот, будучи употребляемым не первое десятилетие, четкого и однозначного определения это понятие не имеет. И это одна из причин, почему специалисты соответствующих областей относятся к нему «с подозрением» и не спешат широко использовать.

В настоящей статье мы хотим остановиться на этом интересном теоретическом вопросе: «Что такое промышленный ландшафт?», полагая, что его более-менее приемлемое решение принесет пользу тем областям науки и практики, в центре внимания которых находятся индустриальные территории, в особенности проблемы их экологической оптимизации.

Из истории понятия

Кто и когда среди ученых, имеющих дело с ландшафтами (а это в основном географы и архитекторы, позже – экологи), первым начал смотреть на промышленный объект и промплощадку как на ландшафт, сказать не просто. Весьма вероятно, что географическая генеалогия понятия промышленного ландшафта восходит к понятию *ландшафта экономического*. О последнем всерьез заговорили после работ Августа Лёша середины XX в. Этот известный немецкий географ исследовал географические закономерности размещения пивоваренных заводов в Германии и обосновал положение об экономическом ландшафте как «системе рыночных сетей» [13]¹. Тем самым между экономикой промышленности и понятием ландшафта был переброшен смысловой «мостик». Формально, А. Лёш не ставил перед собой цель как-либо увязать понятие ландшафта с промышленностью, однако случилось именно так. Поэтому сама собой напрашивается мысль о промышленном ландшафте как разновидности ландшафта экономического, и она нашла своих продолжателей (об этом – ниже).

В отечественной географии о промышленной площадке как о ландшафте первым заговорил, по-видимому, В.В. Покшишевский. Он рассматривал промландшафт как одну из разновидностей *городского ландшафта* в рамках инициированного им городского ландшафтоведения [17, 18]. В «микрорегеографических» описаниях городского ландшафта он дает подробные характеристики промышленных террито-

¹ Нужно сказать, что сам А. Лёш указывает [13] на соотечественника Р. Хепке, оперировавшего категорией экономического ландшафта еще в 1928 г. Однако существует еще более ранняя работа, в которой употребляется эта категория: *Котов А.А.* Экономический ландшафт полосы Северной железной дороги от станции Москва до станции Пушкино. М., 1923. 68 с. К сожалению, для нас она оказалась недоступной.

рий и зон, преимущественно с градостроительных и экономико-географических позиций. Но в одном месте Покшишевский, характеризуя промышленные территории как морфологические части городского ландшафта, неожиданно обращается к пейзажу, который он понимает как «внешнее выражение» индустриального городского ландшафта [17, с. 102]. Обращение к столь своеобразному приему идентификации промышленного ландшафта обусловилось, с одной стороны, отсутствием на то время (1957 г.) методологических и методических оснований для «классического» рассмотрения промобъекта в качестве полноценного ландшафта; а с другой – колоссальной интуицией исследователя, на несколько десятилетий опередившего свое время и увидевшего в образе промышленного ландшафта его органическую составляющую.

Взгляд на промлощадки как на промышленные ландшафты мало-помалу утверждался в 1960-х – начале 1970-х гг. в рамках исследования городских ландшафтов. Промландшафты рассматривались в качестве одной из типологических разновидностей городских ландшафтов (работы Я.Р. Дорфмана [5], А.С. Крюкова [10], Ф.В. Тарасова [22], С.Н. Глазычева [2] и др.). Как об отдельной ландшафтоведческой категории, о промландшафтах говорилось в работах белорусского географа В.Л. Лаходанова [12] и эстонских – К. Кильдема и Э. Аннука [8]. Но их небольшие статьи прошли незамеченными.

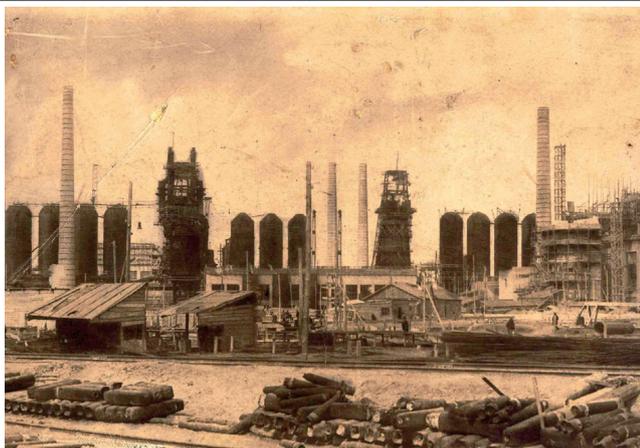
Всплеск внимания к промышленному ландшафту произошел после выхода в свет книги Ф.Н. Милькова «Человек и ландшафты» (1973). В ней четко и веско было заявлено о существовании промышленных ландшафтов, и термин получил путевку в жизнь. Однако под словосочетанием «промышленный ландшафт» Мильков имел в виду вовсе не территории, занятые промышленными зонами, узлами и площадками, а горные выработки. По существу, произошла подмена понятия «промышленный ландшафт» понятием «горнопромышленный ландшафт» [15, с. 84–105]. В дальнейшем такая подмена стала традиционной для сторонников взглядов Ф.Н. Милькова. Что касается территорий с собственно промышленной застройкой – промплощадок, то их исследователь называет *фабрично-заводскими ландшафтами* (позднее употреблялся также термин «промышленно-заводские»). Однако при ближайшем рассмотрении фабрично-заводские ландшафты выглядят странно. Они рассматриваются Мильковым как тип городского ландшафта, что делалось и ранее. Но сами городские ландшафты по Милькову – вне территорий со сплошной застройкой, или, как иногда говорят в антропогенном ландшафтоведении, «каменистого покрова». Если внимательно приглядеться к фабрично-заводским ландшафтам Милькова, то окажется, что под таковыми он понимает территории в пределах промзон, свободные от производственной застройки, – заводские скверы, пустыри, санитарно-защитные зоны и тому подобное. Очевидно, такая трактовка промландшафта уводит в сторону от проблемы, не способствует пониманию существа вопроса. Тем не менее, «фабрично-заводские ландшафты» в понимании Милькова фигурируют у последователей его школы и по сей день.

Абстрагироваться полностью от «каменистого покрова» невозможно. Для того чтобы как-то «прими-

рить» его со своей концепцией антропогенного ландшафта в целом и фабрично-заводского в частности, Ф.Н. Мильков вводит понятие *ландшафтно-техногенного комплекса* (позже *системы*). Именно он, по мнению этого автора, образуется на той территории, где расположены цеха и домны, электролизеры и коксовые батареи, реакторы и генераторы... Эта точка зрения подхватывается последователями Милькова и консервируется на долгие годы – поныне.

Понятием ландшафтно-техногенного комплекса (системы) на заре антропогенного ландшафтоведения пользовались далеко не все ландшафтоведы, большинство не пользовалось. Впоследствии в антропогенном ландшафтоведении возобладал подход Милькова. Но в начале 1970-х гг. у его точки зрения были сильные конкуренты. Выше упоминались В.Л. Лаходанов, К. Кильдема, Э. Аннука. Можно указать также на точку зрения Е.Г. Шеффера и В.В. Вессарта (1974), считавших, что в состав «антропогенного ландшафтно-техногенного комплекса» входят «компоненты, созданные обществом» [27]. С.Н. Глазычев (1970) рассматривал систему «природный комплекс/инженерное сооружение» не как систему, а как вполне реальный ландшафт, который он предлагал называть «общегеографическим» [2]. А.С. Крюков (1967) утверждал, что «разнообразные элементы города (здания, промышленные предприятия, транспорт, коммуникации городского хозяйства) выполняют функции компонентов ландшафта» [10, с. 7]. Развивая его мысль, нетрудно прийти к выводу, что скопление этих производственных «аналогов ландшафтных компонентов» должно сформировать некий новый ландшафт... Неординарными были взгляды на промландшафт некоторых экономико-географов. Например, сотрудник МГУ И.Ф. Зайцев попытался провести аналогию между морфологией ландшафта Н.А. Солнцева, ставшей к тому времени официальной ландшафтоведческой школой Московского университета, и экономическим ландшафтом А. Лёша. Экономический ландшафт он делил на «экономические местности», экономические местности – на обобщенные экономические контуры – «экономические урочища», а последние – на элементарные экономические контуры – аналоги физико-географических фаций. В экономическом ландшафте выделялась особая категория промышленного экономического ландшафта, в котором Зайцев различал обобщенные экономические контуры – «экономические урочища» – большие цеха и группы цехов [6]. Так обстояло дело в нарождающейся теории промышленного ландшафта до середины 1970-х гг.

Мы не станем продолжать анализ концепций промландшафта на более поздний период. Наша статья – не обзор. Для нас было важным показать, что уже в самом начале осмысления проблемы промышленного ландшафта в отечественной географии существовали две группы принципиально разных подходов к пониманию этого феномена. 1. Точка зрения Ф.Н. Милькова и его последователей: промландшафт – это или нарушенные горными разработками земли, или фрагменты промплощадок, свободные от «каменистого покрытия». 2. Взгляды разрозненных, не оформившихся в школы «конкурентов»: промышленный ландшафт – это самостоятельный ландшафтный феномен, который на правах ландшафтных компонентов должен включать всю сумму технических, технологических и инженерных объектов (рис. 1).

а) «Запорожсталь», на заднем плане – доменное производство, на переднем – изложницы

б) Донецкий металлургический завод, на заднем плане по центру и слева – прокатный цех

Рис. 1. Промышленные ландшафты металлургических заводов, 1930-е гг. Фотографии из архива Украинского научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (был ликвидирован в 2007 г.)

Техногенные компоненты и феноменология промышленного ландшафта

Отправным пунктом для разных подходов к пониманию промышленного ландшафта является отношение к «каменистому покрову» – ко всей сумме искусственных сооружений, конструкций, агрегатов, аппаратов, устройств, машин и коммуникаций, которыми промландшафт собственно и образуется. Каменистый (техногенный) «покров» – это внешний по отношению к ландшафту фактор воздействия или его органическая составляющая? Можно или нельзя считать их ландшафтными компонентами? Соответствующая концепция промышленного ландшафта следует из положительного или отрицательного ответа на этот вопрос.

Вопрос о *техногенных компонентах ландшафта* неоднократно нами обсуждался. Мы не будем повторять тонкости аргументации, она суммирована в работе [26]. Укажем только на три исторических факта, показывающих то, какой – утвердительный или отрицательный – ответ на этот вопрос будет более продуктивным для построения *современной теории промышленного ландшафта*.

По свидетельству В.Н. Калуцкова, еще Л.С. Берг в 1929 г. выделял не шесть ландшафтных компонентов, а восемь: шесть «классических» плюс самого человека и всё то искусственное, что он создал [7, с. 44]. Затем этот момент из советской физической географии полностью исчез, и человек со своими домами и машинами стал рассматриваться фактором, внешним по отношению к ландшафту, воздействующим на него извне. Причиной тому был диалектический материализм, который в СССР и «странах соцлагеря» интерпретировался, как мы сегодня уже хорошо знаем, вполне догматически. Общество как «высшая форма движения материи» абсолютизировалось и противопоставлялось природной среде (при одновременных декларациях «теснейшего взаимодействия»). Современными исследованиями в области философской антропологии показано, что такой взгляд на взаимоотношение «природы и общества» ограничен и узок, характерен в основном для евро-

американской культуры, да и то только для некоторых ее этапов («эпоха Просвещения», «проект Модерна», сциентизм) и не для всех слоев общества [4]. Однако в условиях «единственно верного учения» на альтернативные взгляды было наложено строгое табу. На Западе противопоставление естественного и искусственного в ландшафте базировалось на философии позитивизма, хотя артикуляция этого противопоставления, благодаря мощным гуманистическим и культурологическим традициям германской и французской географии, была выражена существенно слабее, чем в отечественной науке.

При господстве догмата взгляд на органическое единство искусственных и естественных объектов в ландшафте не мог получить широкого распространения и оформиться в научную школу. Даже такое мощное натурфилософское учение XX в., как учение о ноосфере В.И. Вернадского, на протяжении десятилетий существовало в СССР в форме методологического андеграунда.

После сошествия «единственно верного учения» с исторической сцены ситуация постепенно менялась. В 1998 г. В.С. Преображенский остро поставил вопрос о том, выживет ли ландшафтоведение в XXI веке, если по-прежнему будет рассматривать человека «не как составляющую ландшафта, а как внешнюю силу его изменений либо как пассивного (и тоже внешнего) преемника его воздействия» [19, с. 17]. Сегодня, в толерантных и плюралистических методологических условиях, казалось бы, есть все условия для мощного теоретического толчка в области антропогенного ландшафтоведения на основе тех мыслей о «компонентности» человека и артефактов, которые высказывали Л.С. Берг, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин, а также целый ряд европейских географов – Э. Нееф, Г. Рихтер, Й. Шмитхюзен и др. Но сила инерции мышления велика. И многие новейшие работы по антропогенному ландшафтоведению до сих пор следуют в русле традиции, инициированной более сорока лет назад Мильковым: промышленный ландшафт – это или 1) горнопромышленные земли, или 2) участки без «техногенного покрова» в пределах промзон и промузлов, или 3) «нечто», содержа-

шее ландшафтно-техногенную систему. На Украине такие взгляды на промышленный ландшафт наиболее последовательно проводятся в жизнь специалистами из Винницкого педагогического института (например, в [3]).

Трактовка садово-парковых ландшафтов – заводских скверов и санитарно-защитных зон – как промландшафтов очевидно бесперспективна. Отличие промышленного ландшафта от горнопромышленного тоже достаточно явное. Горнопромышленный ландшафт не имеет сплошного «техногенного покрова» из машин и сооружений. В действующем карьере обязательно наличие горнодобывающей техники, иногда железных дорог. Но они более или менее единичны, во всяком случае сплошного покрова не формируют. Функционирующей горнопромышленный ландшафт представлен в основном участками, если можно так выразиться, обнаженной литосферы. Зброшенне карьеры и отвалы лишаются и того: техника убирается (если не оставляется ржаветь), а процессы демутиации – возобновления почв и биоценозов – начинают возвращать «нарушенные земли» к исходному экологическому состоянию. Уже через несколько лет заброшенные карьеры и отвалы превращаются в живописные геоморфологические и гидрологические объекты, которые не лишены эстетической привлекательности и могут выполнять полезные социальные и экологические функции.

Что касается ландшафтно-техногенных систем, то их отличительной чертой видится наличие некоего «управляющего блока», который функционирует «по общественным законам». Из-за «вмешательства человека» ландшафтно-техногенная система не может «развиваться по природным законам», а значит ландшафтом не является. Такова логика концепции.

Но если эта концепция – в лоне ландшафтоведения, пусть и антропогенного, то она должна что-то говорить о феноменологии ландшафтно-техногенной системы вообще и ее «блоков» в частности. Хотя понятие «блока» применительно к природным компонентам ландшафта избыточно (в чем конкретно проявляется их «блоковость?»), с этим еще как-то можно смириться. А вот что касается «управляющего блока», то возникают законные вопросы: а что это, собственно говоря, такое? И где этот «управляющий блок» локализован? Управляющий блок – это заводоуправление? министерство? товарная биржа? или вообще «невидимая рука рынка»? А может, это ноутбук гендиректора? или оперативка у начальника смены? Внятных ответов сторонники теории ландшафтно-техногенных систем на такие вопросы не дают, а само их перечисление явно показывает: так называемый управляющий блок ландшафтно-техногенной системы – вполне *экстерриториальная* теоретическая конструкция. Во всяком случае, пространственными признаками «управляющие блоки» в антропогенном ландшафтоведении не наделяются.

Любопытно, что наличие «управляющего блока» используется в качестве аргумента только чтобы лишить промышленную территорию статуса ландшафта. Сельскохозяйственные угодья, в функционировании которых «управляющий блок» играет не меньшую роль, чем в промышленном производстве, сторонниками ландшафтно-техногенных систем признаются полноценными антропогенными ландшафтами.

В первые годы становления антропогенного ландшафтоведения, когда его методологические основания были ещё зыбки, положение о «блоковых» ландшафтно-техногенных системах, как *методика ad hoc* («по случаю»), безусловно, сыграло свою положительную роль. Однако методика такого типа не может подолгу определять пути развития научного знания. Рано или поздно она превращается в его тормоз и, следовательно, требует преодоления.

Для последнего в нашем случае не нужны особые методологические усилия. Достаточно только, отдав должное традиции, переступить через неё и пойти дальше – согласиться с таким простым утверждением: все без исключения техногенные объекты, находящиеся на территории промышленной площадки, являются полноценными *ландшафтными компонентами*. Дальше «клубок» теории промышленного ландшафтоведения начнет «распутываться» сам собой.

О классификации и типизации промышленных ландшафтов

Любая ландшафтоведческая теория проходит испытание классификацией и типизацией. Если выделяемые в ней комплексные территориальные единицы удаётся логичным и непротиворечивым образом классифицировать, значит в теории «что-то есть», а значит есть и основания для того, чтобы называть такие единицы ландшафтами.

Попытки классифицировать промышленные ландшафты предпринимались неоднократно, но практически все они опирались на принципы и методы естественно-ландшафтоведческих типологий, а потому к желаемому результату не привели. Дело в том, что к промышленным, а также к урбанизированным и транспортным ландшафтам невозможно корректно применить естественно-ландшафтоведческие подходы, даже с «поправкой» на антропогенность. Промышленные, урбанизированные и транспортные ландшафты не относятся к ландшафтам наземного варианта ландшафтной сферы, в контексте которого сегодня принято рассматривать всю сумму «сухопутных» ландшафтов – и естественные, и антропогенные. Согласно тому же Ф.Н. Милькову [14], варианты (отделы) ландшафтной сферы образуются на разных типах «контакта геосфер». Наземный отдел – на контакте «литосфера/атмосфера». Но техногенный покров – не литосфера. Если мы видим в объектах, его формирующих, полно- и равноправные компоненты ландшафта, то техногенный покров, вклиниваясь между атмосферой и литосферой, образует новый тип контакта геосфер – «литосфера/техносфера/атмосфера». Следовательно, формируется новый вариант ландшафтной сферы – техногенный, и к нему следует отнести ландшафты со сплошным «каменистым покровом» – урбанизированные, промышленные и транспортные [26].

Получая столь высокий таксономический статус, промышленный ландшафт как *ландшафт техногенный* приобретает относительную методологическую и методическую автономию: его нельзя изучать на основе приемов, разработанных для ландшафтоведческого изучения наземных природных и измененных человеком ландшафтов – ландшафтов, не имеющих сплошного техногенного покрова. Представляя промышленные ландшафты ландшафтами самостоя-

тельного отдела ландшафтной сферы, мы выводим их из-под «юрисдикции» традиционного ландшафтоведения (включая относящиеся к антропогенным образованиям) и получаем теоретическую возможность использовать для типизации и классификации промландшафтов совершенно новые принципы и подходы.

В их основе лежит представление о локализации технологии. В основе всего – *технологический процесс*. Вокруг него выстраивается великое множество функциональных и предметных корреляций, идентифицировав которые в пределах территории локализации технологии, мы и сможем сформировать взгляд на промплощадку, промузел, промзону как на ландшафт или ландшафтный комплекс техногенного варианта ландшафтной сферы. Многочисленными отраслевыми исследованиями уже давно показано то, как промышленная технология коррелирует со всей суммой предметных параметров, по которым можно охарактеризовать и выделить промландшафт. Она коррелирует с экономико-географическими и экономическими особенностями промобъектов; с их градостроительными и архитектурными качествами; с транспортными условиями (подъездные дороги и пути); демографическими параметрами трудящихся (пол, возраст, количество работающих), а также с особенностями охраны труда и гигиены предприятий; с их геохимическим состоянием и характером растительного покрова («промышленная ботаника»); со свойствами микро- и даже мезоклимата промплощадок и с процессами образования особой таксономической разновидности почв, которую называют [1] индустриоземом (а почва, как известно, «зеркало ландшафта»). Промплощадка также имеет свой неповторимый образ и свой культурно-исторический статус, на которых сегодня зиждется теория и практика сохранения индустриального наследия и многие направления современной архитектуры и дизайна. И это тоже коррелирует с технологией.

Для того чтобы понять те промландшафта, остаются «только» все эти корреляции упорядочить, комплексировать, ранжировать, локализовать, картографировать: это обычная работа ландшафтоведа. При этом нужно будет вникать в основы рудообогащения и коксохимии, электролиза и органического синтеза, технологии машиностроения и стройиндустрии и многого-многого иного, что мы называем техническими науками. Нелишне также будет ознакомиться с промышленной архитектурой и медициной профессиональных заболеваний. И вот в этом-то всем – новизна задачи. Адекватное ее понимание у географов уже начинает формироваться [11], а попытки решения можно найти в пока еще скудном опыте разработки морфологии промышленного ландшафта.

Выше указывалось на опыт И.Ф. Зайцева по привлечению солнцевской морфологии к членению промландшафта на низших уровнях локализации. Сегодня это выглядит наивным, но смелости исследовательской мысли автора на то время (начало 1970-х) нужно отдать должное. Ещё раньше (1957 г.) расчленил промландшафт на «микрорегеографические» единицы В.В. Покшишевский [17]. Он не оперировал природно-ландшафтоведческими морфологическими категориями (они тогда еще только создавались), но степень комплексности учета параметров «микрорегеографических» участков промзон и промузлов у него была высокой. Наша попытка [25] расчленил про-

мышленный ландшафт металлургического комбината (промландшафт ранга N) базировалась на том, что в основе такого расчленения должна быть технология. Рассматривая ее с позиций геохимии техногенеза, мы на таксономическом уровне ранга N–1 в пределах промышленной площадки металлургического гиганта выделили такие промышленные ландшафты: промландшафт коксохимического, агломерационного, доменного (рис. 1а), сталеплавильного, прокатного (рис. 1б) производства и тепловой электростанции. На таксономическом уровне N–2 среди сталеплавильных промландшафтов предложено различать промландшафты мартеновского и конвертерного производства; среди коксохимических – промландшафты коксовых батарей и химических цехов. А на более высоком таксономическом уровне промышленно-ландшафтоведческой классификации (N+1), объединяющем все заводы с пирометаллургическим процессом, можно выделить уже *тип* промышленных ландшафтов пирометаллургии черных металлов. Если к ним добавить предприятия цветной металлургии, использующие пирометаллургические технологии, то получим тип просто пирометаллургических ландшафтов (N+2). А с добавлением металлургических заводов с иным характером технологии: электрометаллургия, гидрометаллургия, химическая металлургия – группу промышленных ландшафтов металлургических производств в целом (N+3). Аналогично можно подойти к классификации промландшафтов и их морфологических частей любых отраслей производства.

На первый взгляд, такой подход, основывающийся на особенностях сконцентрированной на территории технологии, можно принять за архитектурно-планировочный, или технико-технологический, или экономико-географический. В самом деле, и выделяемые категории, и территориальные единицы весьма схожи, иногда просто совпадают. Но по-другому и быть не может, ведь в любом случае в основе идентификации территориального выдела лежит принцип локализации на территории технологии того или иного типа. Всё остальное с нею должно коррелировать. Для архитектора важной будет корреляция технологии с типами промзданий, плотностью и конфигурацией путей внутривозовского транспорта [9], а для геохимика – состав и объемы, условия аккумуляции и миграции производственных выбросов и сбросов, их компонентов [21]. Ландшафтный же подход подразумевает «улавливание» всех возможных корреляций между всеми компонентами и элементами промышленного ландшафта и тем технологическим процессом, локализуя который, выделяем этот промышленный ландшафт. Это могут быть даже идеальные свойства промландшафта, в частности *пейзаж*, опираясь на который, как мы помним, ещё в 1950-х гг. различал промышленный ландшафт В.В. Покшишевский.

Образ промышленного ландшафта в культуре

Обычно, когда речь заходит о ландшафтоведческом понимании промзон и промплощадок, спешат употребить понятие ландшафта *аккультурного*. Это крайне несправедливо! Да и лицемерно. Ведь промландшафт целенаправленно создается человеком для удовлетворения своих материальных нужд и потреб-

ностей. А значит, правильнее говорить не о недостатке культуры в промландшафте, а о её дефиците у того, кто создал производственный объект. Это непростой философский вопрос [24]. За рамки настоящей статьи он выходит. Тем не менее, несколько слов в защиту «культурной составляющей» промышленного ландшафта хотелось бы сказать.

Усилиями ревнителей охраны окружающей среды в последние десятилетия в сознании «широких масс», да и в самой профессиональной среде, создан демонизированный образ завода и фабрики как «врагов» природных ландшафтов. До сих пор (например, в [3]), характеризуя промышленный ландшафт, ландшафтоведы по-старинке начинают свои рассуждения перечислением того, сколько завод «выбрасывает» и как он «загрязняет» (рис. 1б). Если вынести за скобки многочисленные геоэкологические декларации насчет загрязнения окружающей среды промышленностью (а им начало положил еще в 1700 г. Б. Рамаццини), то очевидным станет то, что промландшафт в современном виде – это «дитя» того исторического явления, которое, начиная с эпохи Просвещения, называют *прогрессом*. Сначала «промышленным», потом «техническим», потом «научно-техническим», сегодня – «информационным» или даже «постинформационным». В целом исторический период этого «прогрессистского» понимания промышленного ландшафта длится не так уже и много – около 350 лет.

За это время имели место моменты, когда промландшафт воспевался и эстетизировался до крайности:

искусство и архитектура модерна и особенно авангарда. Были времена, когда его предавали анафеме: геоэкологическая традиция второй половины XX в. (которая, впрочем, уходит корнями ко взглядам романтиков первой половины XIX в.). Сегодня, в эпоху постмодерна, «конца истории», культура по большому счету не имеет какой-то определяющей парадигмы отношения к промландшафту. С одной стороны, в этом отношении остается много традиционного, возникшего в XX в. Это обычный образ «дымящего» завода. С другой, глобализация и экономика брендов вызывают сегодня к жизни такую странную и антигуманную промышленную застройку, применить к которой понятие ландшафта, даже акультурного, крайне проблематично. Приходится для обозначения подобных территориальных феноменов разрабатывать новые понятия и термины, например, понятие *ландшафттоида* [24]. С третьей стороны, промышленный ландшафт прошлых эпох сегодня интенсивно вовлекается в сферу историко-культурологических рефлексий и занимает почетные места в Списке всемирного наследия. В 1950-х гг. для комплексного и всестороннего осмысления, изучения и охраны промышленных объектов было положено начало научно-просветительскому движению – *индустриальной археологии* [16]. А сегодня разрабатываются уже специальные памятниковедческие классификации промышленных ландшафтов [28] и ставится вопрос о придании им статуса заповедников [23] (рис. 2).

Рис. 2. Заброшенный сахарный завод в поселке городского типа Гнивань Тывривского района Винницкой области – настоящий заповедник промышленной архитектуры. Фото автора

Рис. 3. Корнелис де Манн. «Мануфактура по переработке китового жира на Шпицбергене», 1636 г. Первое в истории живописи полномасштабное изображение настоящего промышленного ландшафта было воображаемым пейзажем. Автор никогда не был на Шпицбергене и воспроизвел промышленный пейзаж со слов рассказчиков: это убедительное свидетельство огромного интереса к промышленным ландшафтам на заре европейской пейзажной живописи. Иллюстрация с сайта <http://www.wga.hu>

Ландшафтные архитекторы и дизайнеры превращают заброшенные заводы в парки (*Gas Works Park* в США, *Duisburg-Nord* в Германии, *Демидов-Парк* в России и др.). А гражданская городская застройка все больше и больше испытывает на себе влияния архитектурного стиля *хай-тек*, который использует индустриальные ритмы, формы и материалы. Некоторые архитекторы, такие как Фриденсрайх Хундертвассер, с промышленными постройками проводят такие архитектурно-художественные эксперименты, что их вообще очень трудно классифицировать по стилям и нормативам архитектуры или монументального искусства [20].

Свою лепту в вовлечение географического образа промландшафта в орбиту культуры вносит молодежь. Руферы и паркурщики, диггеры и скваттеры, рок-музыканты и молодые режиссеры-постмодернисты освоили заброшенные заводы и фабрики, превратили их в спортплощадки и театральные подмости, выставочные и концертные залы. Возникло движение фотографии – *индустриальная фотография*. А «лазание» по заброшенным промплощадкам переросло в *промышленную романтику*. Совершенно прозаический, на первый взгляд, для многих экологически неполноценный объект – «промышленный ландшафт» – сегодня включен в историко-культурный процесс очень плотно самыми разными сторонами.

На этом статью можно было бы закончить. Но хочется вспомнить одну банальную истину: все новое – хорошо забытое старое. К промышленному образу ландшафта как элементу культуры это имеет прямое и несколько неожиданное отношение.

Европейский пейзаж как таковой (то есть художественное изображение ландшафта самого по себе, безотносительно к каким-либо иным сюжетным моментам) возник в 1470–1490-х гг. Одним из основоположников самостоятельного жанра пейзажа был Альбрехт Дюрер [4]. И вот что примечательно: на его акварельных пейзажах 1490-х гг. изображались преимущественно не природные ландшафты («картины природы»), а ландшафты, которые мы сегодня

называем антропогенными. На некоторых рисунках («Водяная мельница на горе», «Крупорушка», «Ивовая мельница» и др.) объекты производственного назначения – водяные мельницы – выступают центром композиции и главным предметом изображения. В сущности, Дюрер на своих ранних акварелях рисует не что иное, как виды производственных территорий конца XV в. Парадоксальным образом рождение пейзажа как самостоятельного художественного жанра было тесно связано с изображением существовавших в те времена промышленных ландшафтов. Позже эта странная, на первый взгляд, тенденция сохраняется, усиливается и достигает исключительной выразительности у голландских мастеров XVI–XVII вв., которые заполняют свои полотна изображениями ветряных и водяных мельниц, каналов, шлюзов, мостов. На некоторых картинах Яна ван Гойена (1596–1656) можно насчитать шесть-семь ветряков. А в XVII в. мы встречаем уже самые настоящие промышленные пейзажи – на рисунках и полотнах Якоба ван Рейсдаля («Вид на Хогеслуйс»; «Две подливные водяные мельницы и человек, открывающий шлюз», 1650; «Водяные мельницы», 1660) и Корнелиса де Манна («Мануфактура по переработке китового жира на Шпицбергене», 1636 г. – рис. 3). Изображение «дикой» природы как таковой голландских живописцев XVI–XVII вв. почему-то мало привлекало. Их интересовали виды антропогенных ландшафтов, среди которых почетное место занимали те, которые по современным меркам, но с учетом особенности той эпохи, можно назвать промышленными. Это явление истории художественной культуры имеет достаточно сложное объяснение и кроется в самой природе живописного искусства, а также в своеобразии мировосприятия в Средние века и в эпоху Раннего Возрождения. Но как бы там ни было, факт остается фактом: промышленный пейзаж стал объектом искусства живописи раньше ландшафта природного.

Это, пожалуй, будет наиболее веским аргументом того, что к промышленному ландшафту нужно относиться с вниманием и уважением.

Литература

Список русскоязычной литературы

1. Герасимова МИ, Строганова МН, Можарова НВ, Прокофьева ТВ. Антропогенные почвы: генезис, география, рекультивация. Смоленск: Ойкумена; 2003.
2. Глазычев СН. Краткий очерк развития городского ландшафтоведения. В кн.: Ученые записки Волгоградского педагогического института. 1970;35:36-7.
3. Денисик ГІ. Антропогенне ландшафтознавство. Частина І. Глобальне антропогенне ландшафтознавство. Вінниця: ТД Едельвейс і К; 2012.
4. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение; 2012.
5. Дорфман ЯР. Ландшафтно-географическая характеристика города Черновцы и его пригородного района (диссертация). Львов: Львовский государственный университет; 1966.
6. Зайцев ИФ. Структурные уровни экономико-географической системы. Изв. АН СССР. 1972;(2):68-78.
7. Калуцков ВН. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф; 2008.
8. Кильдема К, Аннука Э. Исследование антропогенных изменений ландшафтов. Тезисы докладов VII совещания по вопросам ландшафтоведения. Пермь; 1974. с. 73-5.
9. Костов К. Типология промышленных зданий. М.: Стройиздат; 1987.
10. Крюков АС. Типология ландшафтов городов. В кн.: Вопросы географии городов. Волгоград; 1967. с. 3-30.
11. Лауринас Ю. Методологические аспекты воплощенной энергии техногенных элементов ландшафтов. В кн.: Теоретичні, регіональні, прикладні напрями розвитку антропогенної географії та геології: матеріали Третьої міжнародної наукової конференції; 2011; Кривий Ріг, Україна. Кривий Ріг: Видавничий дім; 2011. с. 62-70.
12. Лаходанов ВЛ. Некоторые вопросы рационального использования и формирования ландшафтов промышленных предприятий. В кн.: Формирование и охрана ландшафта. Минск; 1972. с.71-3.
13. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Издательство иностранной литературы; 1959.
14. Мильков ФН. Общее землеведение. М.: Высшая школа; 1990.
15. Мильков ФН. Человек и ландшафты: Очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль; 1973.
16. Перхавко ВВ. Возникновение и развитие промышленной археологии. В кн.: Памятники науки и техники 1989. М.: Наука; 1990. с. 2-24.
17. Покшишевский ВВ. Некоторые вопросы микрогеографического изучения городов СССР. В кн.: Географический сборник. XI. Экономическая география. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР; 1957. с. 90-109.
18. Покшишевский ВВ. О некоторых задачах комплексного физико-географического изуче-

ния городов. Вопросы географии. 1952; 28:177-91.

19. Преображенский ВС. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1998;(3):14-9.

20. Ричков ПА. Терапія індустріальної архітектури: феномен Хундертвассера. В кн.: Індустріальна спадщина в культурі і ландшафт. Матеріали Першої всеукраїнської конференції; 2005 жовтень 4-7; Київ, Україна. Київ; 2005. с. 81-5.

21. Сает ЮЕ, Ревич БА, Янин ЕП, Смирнова РС, Башаркевич ИЛ, Онищенко ТЛ, Павлова ЛН, Трефилова НЯ, Ачкасов АИ, Саркисян СШ. Геохимия окружающей среды. М.: Недра; 1990.

22. Тарасов ФВ. О структуре и картировании городских ландшафтов. В кн.: Вопросы ландшафтной географии. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 1969. с. 25-30.

23. Тютюнник ЮГ. Охрана и заповедание индустриальных ландшафтов. География и природные ресурсы. 2006;(2):34-41.

24. Тютюнник ЮГ. Проблемные вопросы теории культурного ландшафта. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013;(4):36-7.

25. Тютюнник ЮГ. Промышленный ландшафт. География и природные ресурсы. 1991;(2):135-41.

26. Тютюнник ЮГ. Расширение объектной базы ландшафтоведения и его последствия. География и природные ресурсы. 2004;(3):57-65.

27. Шеффер ЕГ, Вессарт ВВ. Вопросы изучения динамики ландшафтных комплексов в территориальных планировках. Тезисы докладов VII совещания по вопросам ландшафтоведения. Пермь; 1974. с. 68-9.

Общий список литературы/Reference List

1. Gerasimova MI, Stroganova MN, Mozharova NV, Prokof'eva TV. Antropogennye Pochvy: Genesis, Geografiya, Rekul'tivatsiya. Smolensk: Oikumena; 2003. (In Russ.)
2. Glazychev SN. [A brief sketch of urban landscape science]. Uchennye Zapiski Volgogradskogo Pedagogicheskogo Instituta. 1970;35:36-7. (In Russ.)
3. Denisiyk GI. Antropogenne Landshaftoznavstvo. Chastyna I. Global'ne Antropogenne Landshaftoznavstvo. Vinnitsa: TD Edelveis & K; 2012. (In Ukr.)
4. Deskola F. Po tu Storonu Prirody i Kul'tury. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye; 2012. (In Russ.)
5. Dorfman YaR. Landshaftno-Geograficheskaya Kharakteristika Goroda Chernovtsy i Yego Prigorodnogo Rayona (PhD thesis). Lvov: Lvovskiy Gosudarstvennyi Universitet; 1966. (In Russ.)
6. Zaitsev IF. [Structural levels of economic and geographic system]. Izvestiya Akademii Nauk

